

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Елена Ленковская

Реставратор птичьих гнёзд

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Елена Ленковская
Реставратор птичьих гнезд

Издательство «Детская литература»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ленковская Е. Э.

Реставратор птичьих гнезд / Е. Э. Ленковская — Издательство «Детская литература», 2017 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-005702-1

Старшеклассника Германа родители отправили на лето в алтайскую деревню к дальним родственникам. Мечтательный и творческий парень занимается граффити, фотографирует, рисует и с интересом наблюдает за природой, фантазируя о новых архитектурных формах. В деревне он впервые видит своего троюродного брата Николку, который много лет назад попал в страшную аварию и после неё будто остался в детстве. Сначала Герке тяжело общаться с ним, но постепенно братья сближаются и становятся друзьями. Вокруг них происходят удивительные вещи, случаются неожиданные встречи и совпадения. А Герману даже удаётся заработать, разрисовывая автобусные остановки. Правда, до конца он так и не может определиться, в чём же его истинное призвание: может быть, стать хранителем острова в океане или реставратором птичьих гнёзд – есть и такие редкие профессии на свете... Но именно поездка в алтайскую деревню неожиданно помогает Герману обрести себя, понять своё предназначение.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005702-1

© Ленковская Е. Э., 2017

© Издательство «Детская
литература», 2017

Содержание

О конкурсе	7
Реставратор птичьих гнёзд	8
Глава первая	10
Глава вторая	13
Глава третья	15
Глава четвёртая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	24
Глава седьмая	26
Глава восьмая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Елена Ленковская Реставратор птичьих гнёзд

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов. В 2016 году объявлены победители пятого Конкурса.

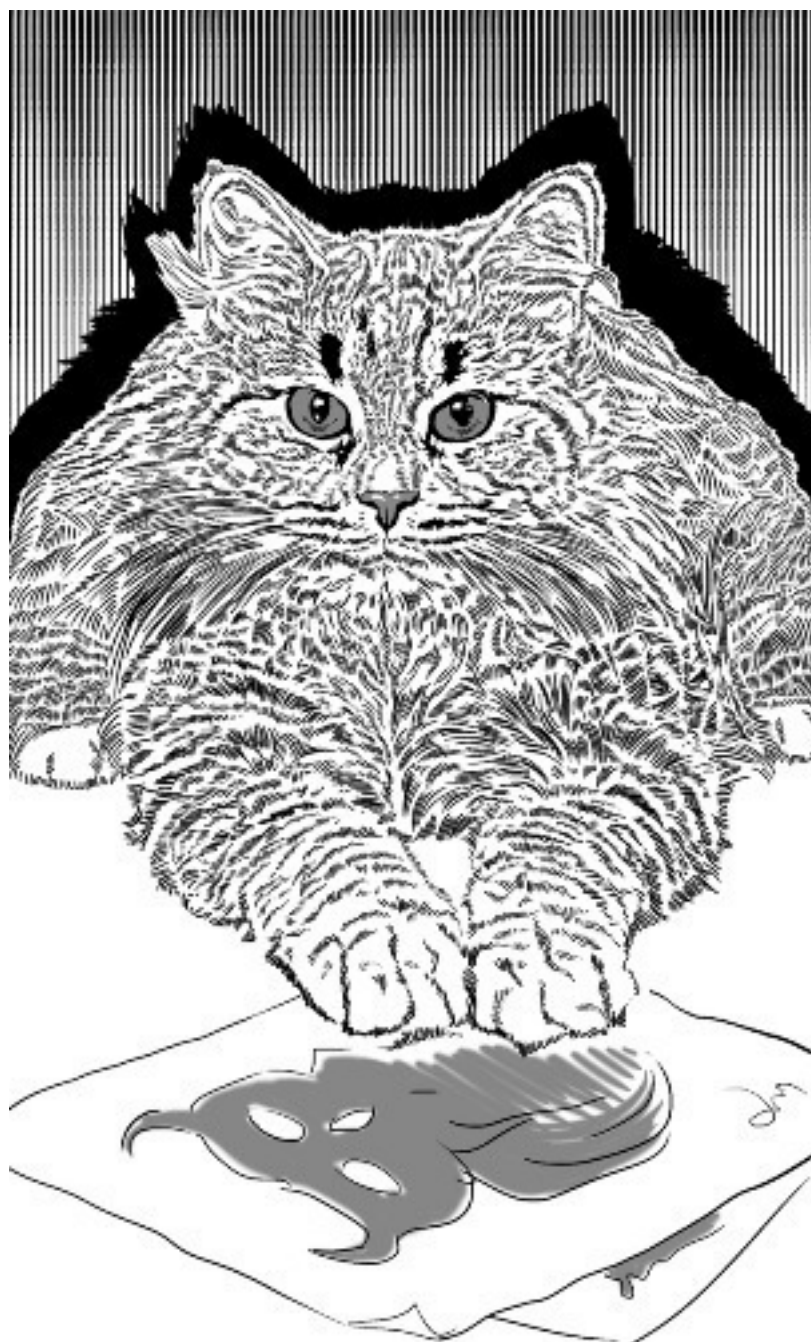
Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Реставратор птичьих гнезд Повесть

Глава первая

Клизма для холодильника

Июньское солнце жарит сквозь цветастые занавески. Перекосившийся ящик древнего комода с трудом, но всё же выдвинут. В нём тонометр, пузырьки, пухлая тетрадь с кулинарными рецептами, исписанная вихляющим старческим почерком, газетные вырезки («Мазь жизни». Самой смешно: как только не назовут! Но вдруг действенная?), запах лаванды и валерианы.

– А клизма где?

В ответ тишина. В просторной комнате деревенского дома, кроме Станиславы Людвиговны, нет никого. Пух не считается: от него толку не добьёшься.

– Тут всегда лежала, рыжая такая, маленькая... Куда ж запропастилась-то?.. Николка? Видел иль нет?

Молчание. Наконец из-за прикрытой двери – настороженный шепелявый басок:

– Кли-и-из-зма? Кому-то?

– Холодильник не морозит совсем...

Фырканье, хихиканье.

– Холоди-и-ильнику? Кли-и-изма?

– И ничего смешного!

– Ма, да не видел я! Правда! Может, Пух заиграл?

Тревожно подрагивает свалевшийся хвост, явно: дело не чисто.

– Ему, старичку, только играть, в пятнадцать-то кошачьих лет... – строго зыркнув на Пуха, бормочет Станислава Людвиговна, кряхтя, заглядывает под комод. – Куда ж она запропастилась?..

Ворчание и поиски продолжаются. Отразившись в чисто вымытых половицах, предполагаемый виновник скрывается за диваном. Довольно проворно, несмотря на годы.

– А ведь нынче Игорь приедет, опять из города продуктов навезёт! Жара такая, без холодильника – попортятся...

– В подпол... – советует из-за двери басок.

– «В подпол», как же! Говорю: не вози, не надо. Но кто ж меня слушает. «В подпол»!

Слезать в подпол с некоторых пор Станиславе Людвиговне не даёт артрит, а пускать туда Николку – себе дороже: от слона в посудной лавке больше толку. А что поделаешь? Се ля ви... Людвиговна безнадёжно машет рукой и в поисках пропажи принимается шарить шваброй под диваном.

Распахнутый холодильник «Орск», толстая снежная шуба на стенках.

– «Я помню вальса звук прэлэстный...» ля-ля-ля, уа-уа-а... – это она, Станислава Людвиговна, поёт.

Вновь обретенная клизма в руке. На сильную долю каждого такта певица энергично стискивает её пальцами.

Взбухшие синие жилки, старческие веснушки, гладкое обручальное кольцо – по-вдовьи на левой руке. А когда-то хороша была собой, от поклонников отбоя не было. «Онегин, я тогда моложе и лучше...» качеством была!

Порыжелая от времени резиновая груша (ей тоже сто лет в обед, такие и не продают уже) тычется носиком в толстый слой инея, выпускает горячую воду.

Присвистывая зубным протезом, Станислава Людвиговна выводит самозабвенно:

– «Я встретил вас, и всё-о-о бывшее...»

В очередной раз крепко сжатая клизма „пукает“ воздухом: в ней кончилась вода.

– Хо-хо! Аккомпанемент!.. – смеётся Людвиговна слегка поскрипывающим контральто, суёт смятую грушу в миску с кипятком.

Над миской – лёгкий парок. Наполняясь водой, груша раздувается. И всё по новой:

– «И то же в вас оча-а-арованье, и та-а-а ж в душе моей любовь»...

Вдруг – пауза. Тревога. Негодование.

– Пу-ух, ах, чтоб тебя! Спасу нет, что ж за кот такой!.. Старый ты дурень, опять лужу мне тут устроил!

Сбежал. Скрылся. За диваном спрятался!

Лужа вытерта. Людвиговна возвращается к холодильнику. Давно бы надо домой приобрести новый, а тот, что дома, – сюда перевезти. Надо бы, но... Игорь сказал: «будут деньги, мать, лучше насос вам новый куплю, этот сдохнет скоро». Пока же у него денег нет. А у Станиславы Людвиговны тем более никогда столько не было. Прослужила всю жизнь медработником в городской железнодорожной больнице и уж давным-давно на пенсии. А какая у медиков пенсия – и говорить нечего.

Здесь, в деревне, они с Николкой обычно проводят лето, а осенью, ближе к холодам, Игорь отвозит их в город, поэтому живности в ограде никакой – ни кроликов, как у соседей, ни гусей, ни кур, лишь старый ленивый котяра Пух – его, ветерана, каждое лето привозят из города с собой.

Нынче они с Николкой ждут гостей. Приедет на месяц дальний родственник, троюродный внучатый племянник Станиславы Людвиговны. Взрослый уже юноша, старшекласник. Время летит! Вроде недавно телеграмму присылали: мальчик у них там, на Урале, родился, первенец, Германом назвали.

Приедет – и хорошо. Всё Николке компания, а то парень в деревне скучает: друзья-приятели по обществу инвалидов далеко, а с деревенской молодежью как-то с давних пор не заладилось. Дурачком его считают, «недоделанным», подтрунивают, а тому обидно...

Всё авария эта! Всю жизнь поломала... Нынче бы уж студентом был, в институте или ещё где. В консерватории, например. Игорь-то не пошёл после школы на музыканта учиться: немодно это было, поступил в технический вуз, хотя способный был к музыке... У них вся семья музыкальная. Волжские они, оттуда родом, а на Волге всегда пели! Это здесь, в деревнях,

не поют совсем – то ли климат не тот, то ли народ иной, а скорее всего, время нынче другое. Радио включил – и всё песни...

Закончив с холодильником, Людвиговна возвращается в комнату, отовсюду смахивает невидимую пыль полотенцем, поправляет засунутую меж стёкол фотографию (любительская, незадолго до беды Игорь ребят на школьном дворе снимал). Николка – новоиспечённый второклассник; смешной, белобрысый, улыбчивый, в круглых очочках с залепленным лейкопластырем левым глазом: косил немного, исправляли, упражнения делали. Станислава Людвиговна следила строго, чтоб не забывал.

А какой был умненький мальчик! Учился на одни пятёрки и в музыкальной школе успехи делал... Только с физкультурой не очень ладил. Так и вышло: ребята стайкой дорогу перед машиной перебежали, а Николка за ними, да поотстал. И – под колёса. В одночасье всё рухнуло.

Игорь с той поры гитару в руки и не брал. Фортепьяно, для Николки купленное, продали сразу. Деньги, нужны были деньги на лекарства, на капельницы, на то, на другое. И Станиславе Людвиговне с работы пришлось уйти: сиделок в больницах нет, кому у мальчика дежурить. Хорошо, хоть время уже к пенсии подходило, без куска не осталась.

Теперь Николай взрослый совсем. Даже на работу его недавно устраивали, в кафе, мойщиком посуды. Общество инвалидов подействовало. Николка в целом молодец, хорошо наловчился посуду мыть. Теперь Людвиговна горя не знает: он и дома на кухне тарелки моет. Да только надолго Николай на той работе не задержался: задумывается он иногда. Задумался, забыл про всё, ушёл с рабочего места, бросив порученное, да и прогулял до вечера неизвестно где. Первый раз простили, а на второй – уволили. Кому такой работник нужен?

...Так, надо ещё тесто поставить: положено пирогами гостей встречать. Игорь пироги ох любит! Дома-то у него не особо пекут. Молодые – занятые, всё-то им некогда. А Станислава Людвиговна печёт и Николушку балует. С рыбой да с картошкой нынче будут. Сосед рыбачил, спасибо – поделился. «Хариузы» – так здесь хариусов называют. Жаренные, они ещё вкуснее, но жареное Николке вредно. Главное, не забыть: как пироги подспеют, и соседа оделить – Николку к нему с гостинцем послать.

– Пух, а Пух! Пойдём, старичок мой, на кухню, Людвиговна и тебе рыбки даст. Хм, *хариузы*...

Глава вторая Восточный экспресс

Простуженные гудки электровозов. Пар изо рта. Вот оно, уральское лето, – плюс четыре. Это в июле месяце! В воздухе – мутная липкая морось, хоть руками разгребай. Невольно стукнув зубами, Герка передёрнулся, задрал воротник сырой куртки.

Из гулкого подземного перехода они поднялись на железнодорожный перрон: Герман – с рюкзаком за спиной, мелкий – с большой бутылкой минералки, прижатой к животу, родители – с пакетами, в которые мама натолкала для старшего сына разной снеди как минимум на неделю.

Он поедет поездом. Далеко-далеко. Плацкартный вагон, восточный экспресс, сорок часов на колёсах, две ночи и длинный-длинный день.

«Знай себе спи да книжку читай, – говорит папа и мечтательно улыбается. – Слушай стук колёс, смотри, как мелькает за окном летучая земля, грызи яблоки и в ус не дуй!»

Папа бы и не дул, а вот Герка... Он ёрзает под ляжками рюкзака, чувствуя, как наваливается необъяснимая тоска – как всегда перед дальней дорогой. К тому же в этот раз он едет совсем один. Верно, оттого так щемит в груди и противно дрожит подбородок. Нет, подбородок – это от холода. Конечно, от холода! Вон и мелкий озяб – губы синие.

На вечерней, тускло освещённой платформе пустынно. У опущенных лесенок-подножек зябнут проводники. Постукивают по бёдрам рукоятками сигнальных флажков, кутаются в накинутые на плечи серые форменки.

– Моросит и моросит... – вздыхает папа, свободной рукой накидывая на торопливо шагающего рядом мелкого капюшон. – А на Алтае теплынь. Гер, хоть ты погреешься.

– Миссия – согреться... – тускло шутит Герман в ответ.

Перед глазами встаёт карта средних температур Евразии (последние две недели он тоскливо пялился на неё в интернете ежедневно). «От тайги до британских морей» она сплошь окрашена красным, обозначающим несусветную, небывалую жару. Камчатка плавится, в Иркутске стабильно больше плюс тридцати пяти, в Москве по случаю аномально жаркой погоды устроены для населения пункты раздачи бесплатной питьевой воды. И только вокруг Екатеринбурга зияет синяя дыра! Круглая, похожая на озябшую задницу, размером с лесной орех...

Мировой полюс холода переместился из якутского Оймякона на Урал. Насчёт причин этой внезапной климатической аномалии у Герки есть собственная версия: «Зоны высокого и низкого давления, движение атмосферных фронтов и прочая метеорологическая мутотень ни при чём. Просто кое-кто уехал из здешних мест. Упс-с!..»

Кроме шуток, невозможная, запредельная холодрыга обрушилась на город сразу после того, как Геркины друзья разъехались. Шмель – до самого конца летних каникул, а Лиза... Лиза насовсем.

Теперь вот и Герман отправляется куда подальше из этого слякотного, загазованного, постимпанковски пасмурного мегаполиса, которую неделю накрытого смогом.

Длинный сырой перрон почти безлюден, только у первого с конца вагона столпотворение. В расплывающемся пятне фонаря гудит, колышется взбудораженная толпа старшекласников. Шум, гам, взвинченный хохот, лай ошалевшей от суматохи лохматой псины, чмокание в обе щеки, разноголосые рингтоны мобильных.

Подростки переминаются с ноги на ногу, тянут шеи, размахивают свидетельствами о рождении, паспортами и свёрнутыми в рулон туристскими ковриками. Выкрикиваются фамилии, передаются через головы рюкзаки, кто-то протискивается вперёд, у кого-то, кажется, нет нужных документов. Пока взмыленные взрослые громко спорят и требуют начальника поезда, народ обнимается, приплясывает, трещит по телефону. Кто-то уже фотографирует всю эту кутерьму, выставив перед собой планшет...

– Вот тебе и попучики, – радуется папа, не замечая, как притих и помрачнел Герка: лихорадка чужих проводов заставляет его острее чувствовать свою отдельность. – Поди, всю ночь песни петь будут. Мы в поездах всегда под гитару песни до утра горланили...

– Какие песни? – иронически фыркает мама. – Дорогой, ты отстал от жизни! У них и гитары-то нет, наверное. Каждый себе наушники в уши вставит – вот и все песни.

Герка, нащупав в кармане штанов спутанные в ком проводки микронаушников, иронически ухмыляется.

– Да? А жаль... – растерянно бормочет папа. – Кстати, Игорь наш в студенческие времена отлично на гитаре играл. У них даже своя вокально-инструментальная группа была, на вечеринках да на свадьбах играли. Неплохо подрабатывали, между прочим!

Дядя Игорь, папин дальний родственник, ждёт Герку там, на Алтае. Это он согласился принять троюродного племянника у себя на даче, в дальней деревне, после того как... Короче, после той дурацкой истории с эко-лагерем, из которого Герка сбежал в конце июня.

– Он звонил, Игорь-то? – озабоченно уточняет мама.

– Звонил, – кивает отец. – У поезда встретит, на место доставит. Так что автобусную станцию, как сначала думали, парню искать не придётся. С ветерком, Герка, на машине прокатишься.

– С одной стороны, слава богу. А с другой – как-то неудобно, в этакую даль...

– Всё равно периодически туда к матери навещается, заодно и Германа отвезёт, – успокаивает папа маму, всё громче шмыгающую носом и комкающую в руках носовой платок. – Сама же волновалась, что в эту глухомань автобус раз в сутки ходит. Не дай бог, опоздает поезд – впрямь придётся парню до следующего утра на вокзале торчать. А так всё улажено. Ну что, Гер, пора?

Герка вздрагивает: из-под железнодорожного состава резко, с оглушительным шипением выходит воздух.

Глава третья

Дом с видом на счастье

Обняв своих на прощание, Герка протиснулся внутрь. В вагоне было темно и душно. Народ, едущий издалека, давно сопел в обёрнутые казёнными наволочками комковатые плоские подушки.

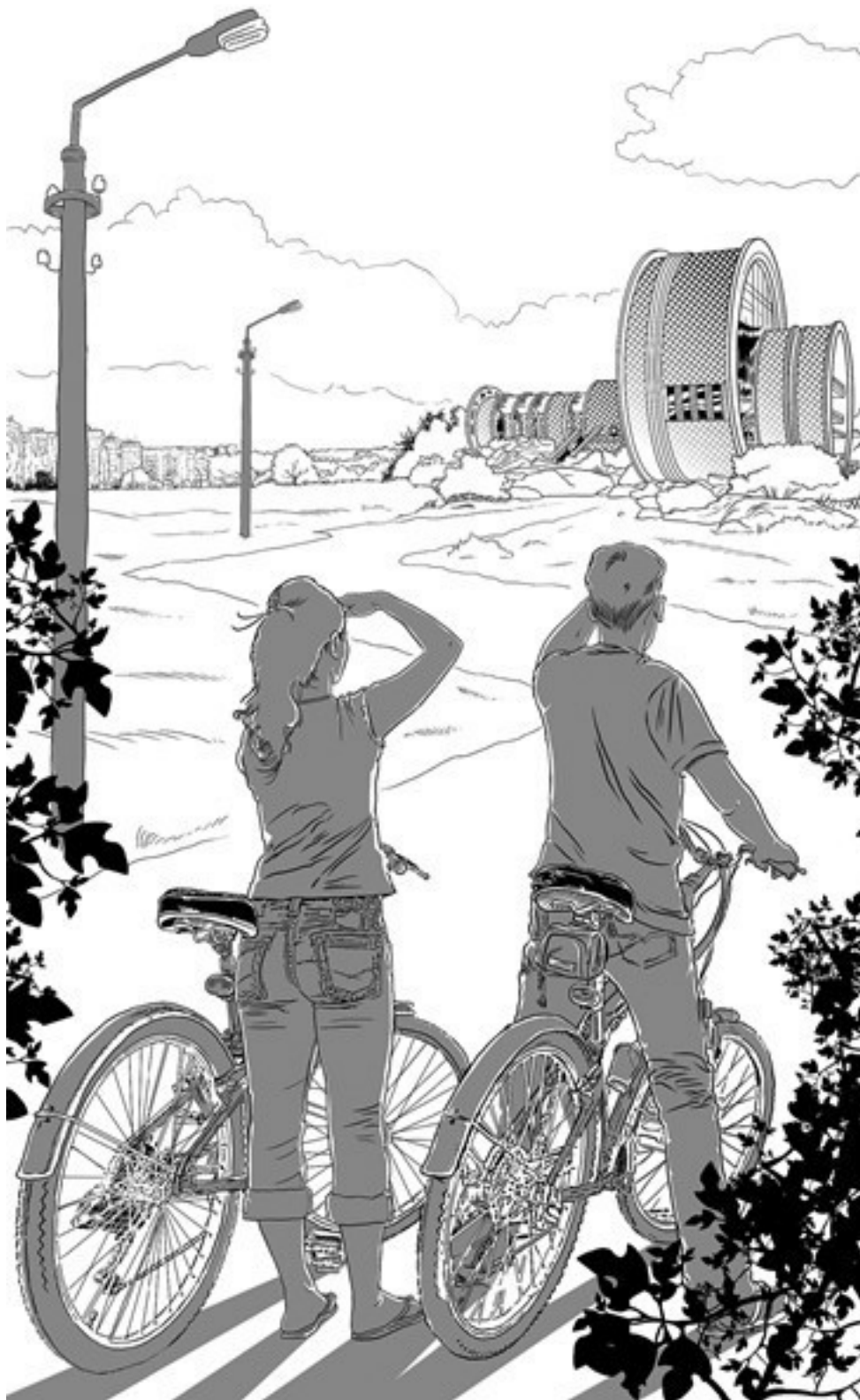
Ему досталась такая же. Забрался на верхнюю боковушку, кое-как скрючился, поджав ноги, – во весь рост на вагонной полке он уже не помещался.

За окном плыла пропахшая чёрным битумом дождливая ночь. Под потолком подслеповато моргала и жмурилась дежурная лампа. Герка пытался заснуть, но не мог. Колёса всё толкли и толкли стальные стыки – бесстрастно, бесперебойно, размеренно. Так же размеренно храпели здоровенные вахтовики, свесив с верхних полок ручищи со следами татуировок. Внизу, на столиках, в такт этим мощным всхрапам нервно и жалобно дребезжали стаканы в тусклых мельхиоровых подстаканниках.

Свобода, солнце, голубизна небес – самый первый день этого лета. Они едут вереницей вдоль поселковой околицы. Впереди – Люська со Шмелём, за ними – Лиза. Герка, приотстав, с усилием жмёт на педали взятого напрокат заюзанного старого байка.

Издалека в просветах молодой зелени и белых берёзовых стволов золотом горит необычный, удивительный дом. Дом из колец. Они, конечно, на деле не золотые, эти огромные бетонные кольца, из которых обычно делают трубопроводы. Всего лишь эффект облицовки. Но эффект удивительный.

...Вёлики брошены у сложенного из бетонных плит не отсыпанного пока землёй крыльца. Ребята попросились на экскурсию, и их всё-таки впустили внутрь. Суббота, начальства сегодня нет, поэтому если потихоньку, то можно. Дом не достроен, ещё идёт внутренняя отделка, и здесь только рабочие. Их всего двое, оба восточные люди, но говорят почти без акцента. Они явно гордятся, что этот дом такой необычный; на восхищённые восклицания ребят довольно кивают. Особенно рад тот, что помоложе. Он в основном молчит, зато всё время улыбается, сверкая медным зубом; тыльной стороной ладони потирает подбородок; смуглые пальцы испачканы в белой строительной пыли.

Огромное окно – метров шесть в диаметре! – во весь торец бетонного кольца. Герка с Лизой смотрят сквозь него на растущие прямо напротив тонконогие светлые берёзы. Ветер тербит их за косы; а они, как смешливые девчонки, гнутся, уворачиваются, встряхивают листвою, с шелестом рассыпая длинные блестящие пряди.

Затылком и враз порозовевшим ухом Герка чувствует тёплое дыхание: Лиза с яблочным леденцом за щекой встала чуть позади, совсем близко. Сладкий запах леденца мешается с запа-

хами акриловой краски и строительного клея. Они оба смотрят в окно, оттуда открывается чудный вид на синие уральские дали.

– Нравится? Хотела бы жить в таком? – неожиданно севшим голосом спрашивает Герка.

Лизе нравится. Она восторженно трясёт головой, так, что Герка слышит, как леденец, перекатившись у неё во рту, звонко бьёт по зубам. Белые, крепкие, с небольшой (и такой милой) щербинкой впереди. Оба прыскают, Лиза тут же вся заливается краской. Наверное, от смеха...

Ей нравится, ну ещё бы! Герману тоже всё нравится: что их так легко впустили в этот чудной дом; что каникулы; что звонкое солнце и весёлый ветер; что берёзы точь-в-точь как девчонки, которых дёргают за косы; что рядом Лиза... И то, что окрестный пейзаж словно входит внутрь, прямо в гостиную, ему тоже нравится: густые кусты боярышника, отцветающая сирень, янтарная кривая сосна у самого забора. И иссиня-зелёные хвойные склоны вдалеке, за крышами посёлка, там, вдоль горизонта. Это не какие-нибудь фотообои, это – по-настоящему. Как же здорово, когда прямо сквозь стены дома видно, как бегут по волнистым лесным увалам синие тени облаков!..

– Только кое-что я б тут сделал по-другому, – говорит он тихо Лизе, так тихо, чтобы не обидеть строителей. – И снаружи не стал бы фасады золотить. Тогда б ещё лучше было...

Лиза снова кивает. Вид у неё заговорщический. У Герки тоже...

Они спускаются на крыльцо. Люська со Шмельём уже ждут, оседлав велосипеды.

Пачка чая и печенье (так придумал практичный Шмель) оставлены мастерам в благодарность за то, что показали им удивительный дом изнутри...

Глава четвёртая Мечтать не вредно...

Лето. Как чудесно оно начиналось, сколько было планов и надежд! А потом не заладилось. Задуманное масштабное граффити – прямо напротив её окон, на стене полуразрушенного одноэтажного особняка, Герман так и не сделал: дом сгорел; кому-то не терпелось на этом месте построить высотку.

Ладно бы, просто сгорел! Рвануло баллончики с краской, которые Герка там оставил, тайно готовясь к работе; и в том, что не стало старинного здания, чуть не обвинили его. Да и сам он чувствовал себя невольным, но виноватым... Получалось, он, сам того не желая, «подставил» райтеров да всех прочих актуальных художников разом. На них, как на вандалов и варваров, обрушилось слепое общественное негодование. И не важно, что на деле виноваты были те, кто хотел оттяпать лакомый кусок земли в самом центре города. Но когда это стало очевидно следствием, все разговоры в СМИ о взрыве историко-архитектурного памятника быстро затихли...

Всё это надолго поссорило его с Лизой, вытолкнуло из не так давно появившегося круга новых знакомых, отбило всякую охоту дальше заниматься стрит-артом. Хорошо, хоть никто из людей не пострадал. Кроме получившего ожоги настоящего поджигателя, ну тот уж сам виноват. За что боролся, на то и напоролся...

Не подозревая, в какую дурацкую историю умудрился вляпаться их мальчик, родители искренне недоумевали: удачно сдав вступительные экзамены в СУНЦ, сын внезапно решил остаться в своём старом лице.

«Ладно, – сказал озадаченный папа, – твоё решение».

Приятель Шмель пошёл на «физмат», как и собирался, а Герман записался на «хим-био». Рассудил так: ну их, эти гуманитарные художества, одна головная боль с ними получается, он пойдёт на «хим-био», а потом – в экологи. Но, видать, не судьба. Поехал со своими «биохимиками» в экологический лагерь, а там выяснилось: «профнепригоден». Вот так. Препарировать лягушек Герка оказался не в состоянии. Даже под страхом смертной казни. Под реплики «ну и какой тебе после этого „хим-био“?» и «эх ты, эколог!...» он удрал с позором.

Только начавшийся июль оказался напрасным, пустым и дождливым. Все вокруг разъехались. Лучший друг Шамиль не успел отбросить костыли, как угнал в Голландию с сестрой и её женихом Стейном – знакомиться с будущими родственниками. Лиза тоже уже месяц как переехала в Москву. Шмель, он ещё вернётся. А вот Лиза...

Герка тосковал.

Первое время после отъезда Лиза выходила в сеть регулярно, даже спрашивала про остров. Когда прощались, Герка по секрету сказал ей, что хочет стать хранителем острова. Она отнеслась к его намерению всерьёз.

Удивительный остров Гамильтон находится в южном океане, у австралийских берегов. Сверху он напоминает сердце, каким его рисуют на открытках-«валентинках» или на заборах. Герка видел его фотографию, сделанную с высоты птичьего полёта. Зелёный, с ослепительной песчаной каймой, в окружении пенной морской лазури. Почему лазурь, кстати? Лазурь – светло-голубая краска. Морская волна – она зеленоватая, значит, скорее не лазурь, а бирюза... Как бы то ни было, не остров, а мечта!

Этой мечте требовался хранитель. Им мог стать любой.

«Жить на одном из семидесяти четырех тропических островов, находящихся в Коралловом море, между побережьем Австралии и Большим Барьерным рифом. Распоряжаться своим свободным временем самостоятельно. Получать фантастическую зарплату. Об этом мечтает каждый, но выберут только одного!»

В этом году он всё равно по возрасту бы не прошёл: молод ещё, но в недалёком будущем... Герка уже мысленно бродил по кромке песчаного пляжа, слушал океанский прибой, босые ноги его лизала прозрачная волна, а от морской соли крепко щипало недавнюю ссадину на щиколотке... Он плавал, нырял с аквалангом, кормил китов и черепах, фотографировал всё подряд...

«Чтобы попасть в список соискателей, необходимо создать видеоролик, в котором вы скажете, почему именно вас стоит взять на эту работу, и продемонстрируете свои знания об островах Большого Барьерного рифа. А затем просто заполните небольшую анкету и закачайте видео-резюме на официальный сайт. Любой сможет это сделать, попробуйте и вы!»

Он уже взялся «ваять» видеоролик. Так, кое-что слепил, смонтировал – на пробу. Показал отцу. Тот, увидев первые результаты Геркиных усилий и выслушав рассказ о фантастической вакансии, недоверчиво поинтересовался:

– В чём подвох?

Вроде бы и подвоха никакого не было. Покопавшись ещё в интернете, Герка разобрался: это была не природоохранная или научная миссия, как он поначалу думал, нет. Чистой воды реклама. Туристическая компания искала человека, который смог бы рекламировать отдых на островах Большого Барьерного рифа, передавая свой опыт и описывая свои приключения.

– Так-так. Проясняется. Им нужен блогер с определённым набором... «опций». Время ими обзавестись у тебя, безусловно, есть. Я про акваланг, да-да. Одного прошлогоднего погружения недостаточно, полагаю?..

Герка пожал плечами. Научиться классно нырять можно и на озере Шарташ. Впереди лето. Однако быстро увлекающийся, обычно и сам подначивавший Герку на разные затеи папа на этот раз не загорелся, напротив:

– Мечтать не вредно. И научиться нырять – хорошее дело. Но имей в виду: через год-полтора, может, и отпадёт у туристической компании потребность в «хранителе». А если не отпадёт, будь готов, что конкурс огромный. Сам видишь, претендентов и в этот раз хоть отбавляй.

Герка выслушал набычившись, отвернулся.

С другой стороны, хранитель должен жить там один. Папа этот пункт комментировать не стал, но Герка и сам не дурак. Один! В своих мечтах последнее время он там слишком часто оказывался не один. Одному ему этого всего субтропического великолепия было, пожалуй, слишком много. Что толку, что остров похож на «валентинку», если ты там будешь целый год жить в полном одиночестве?

Герка дождался, когда отец отойдёт, нахмурился, удалил закладку про остров из «Избранного». Закинул в старые архивные папки видеоролик. Честно ответил Лизе «в личку»: с детскими мечтами покончено.

Глава пятая Осиный недострой

Дни прокручивались длинной, бестолковой, давно не чищенной френдлентой.

Герман, беспрестанно заглядывая в монитор, всё ждал сообщений: он регулярно посылал Лизе то интересную, на его взгляд, ссылку, то какое-нибудь забавное, собственноручно снятое фото. Она отвечала, оживлённо комментировала. Герка был рад.

Потом к ним на кухню зачастила оса. Летала не просто так – гнездо собиралась строить. Герман воодушевился; стал наблюдать за строительством и снимать два-три раза в день результаты её усилий. Гнездо росло быстро. Герка снимал и снимал, собирая в длинный ряд удачные кадры, предполагая эффектно предъявить Лизе хронику строительства всю разом, от начала и до конца.

На третий день о стройке прознала мама. Маму присутствие осы на кухне не вдохновило, напротив:

– Опять эти осы! Спасенья каждый год от них нет! Вот прошлым летом соседку по даче оса укусила – и всё, аллергия на осиный яд. В несколько минут человека не стало: отёк лёгких. Тут не до шуток! Убирай от греха подальше. Только дождись, когда оса улетит...

– Аллергия? Хочешь сказать, от неё можно умереть?

– Да. Так бывает. И не только от укусов насекомых такое случается.

– Поэтому ты от мелкого апельсины прячешь?

– Да. С аллергией вообще шуточки плохи. Поэтому давай-ка убирай гнездо, пока оса его не достроила. В конце концов, ей будет не так обидно...

– Ну-ну, ты сама гуманность! – съязвил разочарованный Герка.

– Гуманность – это забота о человеке, – мгновенно парировала мама.

Герка скептически хмыкнул, но гнездо убрал. Снял его аккуратно, положил на белый бумажный листок, снова сфотографировал – с разных ракурсов. Недостроенное гнездо напоминало колокольчик с хвостиком-ручкой снаружи, на самом верху. Язычка в этом «колокольчике», конечно, не было, изнутри форма была заполнена ячейками-сотами.

Герка долго разглядывал замысловатое сооружение, размышляя о том, какая же в голове у осы заложена сложная и умная строительная программа. Ночью ему даже приснилось это гнездо, только оно было огромным, и Герка стоял внутри и трогал шероховатые стенки руками. Стенки почему-то напоминали на ощупь серые коробки для куриных яиц из литой бумаги. Проснувшись, Герка вспомнил про штабеля таких коробок в соседнем супермаркете. А ещё подумал, что сделать настоящий дом из прессованной бумаги, наверное, интересно.

Все фотографии осинового гнезда он тут же отправил Лизе.

Но та уже не ответила. Внезапно сорвалась с места, уехала из Москвы, похоже, неожиданно даже для самой себя. Последнее сообщение от неё пришло с телефона: «Пока, до связи,

уезжаю надолго: едем на пленэр...» Куда – не уточнила. Герка почему-то решил, что она отправилась в какие-нибудь заповедные подмосковные места с друзьями её папы, Ильи Геннадьевича. Он вроде тоже художник, правда, не живописец, а по камню...

Ну и в самом деле, не сидеть же ей лето в пыльной, загазованной Москве! Вот только жаль, что там, где Лиза сейчас находилась, со связью было не очень...

Теперь Герка сидел целыми днями в наушниках у компа и слушал музыку, прихлёбывая горький чай из заляпанной кружки. Щёлкал мышью – бесцельно, глядя в окно поверх монитора. Там, снаружи, в обрызганное дождём стекло в такт ему стучал веткой понурый мокрый ясень.

Герка перестал читать, не играл, не рисовал, не смотрел фильмы, забывал пообедать. Не интересовался френдлентой, проверял только, нет ли весточек от Лизы и Шмеля, и тут же разочарованно захлопывал вкладку, потому что сообщений не было. А ещё ревниво следил: не загорится ли зелёньким глазок её скайпа. От каждого бульканья компьютера, сигналившего, что в ящик свалилась новая почта, его сердце ухало вниз. Но это шли деловые сообщения маме или отцу.

Наконец явно обеспокоенные родители надумали отправить его на месяц в алтайскую деревню к дальним родственникам. Родственники оказались не против.

«Свежий воздух, новые впечатления! Ты ведь в тех краях ещё не был!»

Герка уныло кивнул. Ехать он согласился.

Глава шестая

Проводник пространства

Из полумрака соседнего купе донёлся бесцеремонно громкий девичий голос: ночной телефонный звонок подружке. Той, которую нынче так и не посадили в поезд, догадался Гера.

– Догонишь, если поедешь завтрашним. Ну почему одна, когда с сопровождающим? Мы три дня на базе будем, как раз успеешь. Тебя у самого вагона встретят. Как это – нет так нет? Что ты как рохля, надо же добиваться своего! Ну ты вообще!..

Судя по всему, уговорить не удалось. Герке даже стало жаль её, эту громкоголосую. Вот ведь досада! Собирались отдыхать вместе, а пришлось одной ехать. Если б они со Шмельём собирались куда-нибудь вместе или с Лизой, а тут бы такой облом, Герка тоже бы расстроился. С Лизой... Эх, если бы!

Он сунул голову под шершавую подушку и принялся считать овец. Где-то на сто пятидесятой овцы угомонились, перестали бляеть, звякать стаканами и храпеть...

Утром выяснилось: громкоголосая из соседнего купе, которой так искренне посочувствовал Герка, ни секунды не намеревалась грустить в одиночестве. Объект её внимания – один из двух парней, что присоединились к тургруппе в Тюмени глубокой ночью, – занял нижнюю, прямо под Геркиной, полку.

Как предусмотрительно этот тип отказался вчера меняться местами с соседкой, что ехала с семилетним сыном! им достались верхние, да боковушки, да в разных концах вагона. Герка поменялся бы, но и сам ехал на верхней. А этот не стал. О, разумеется, его право! Жлоб! Бывают же такие...

Свежий, с бледным после умывания лицом Герка шёл по вагону, накинув на шею хрустящее вафельное полотенце, когда обнаружил этих «голубков», в открытую, без малейшего стеснения обжимающихся на нижней полке. Он смутился, отвёл взгляд, чувствуя, как противно стало во рту, хотя только что почистил зубы. Захотелось сплюнуть. Скривившись, Герка допил остатки минералки и ушёл в задний тамбур.

Тёмные, горячие, ревнивые мысли, которых он старался избегать во время разлуки, провали плотину, хлынули волной. Застонав, он упёрся пылающим лбом в холодное оконное стекло. «Нет, она не такая! Даже думать так не смей!»

В гремящем, продуваемом ветром тамбуре он провёл не меньше часа.

Пытаясь справиться с наваждением, стал вспоминать последние майские дни и самое начало лета.

Прогулки и звонки, известие о её предстоящем отъезде, ссору, своё бесцельное блуждание по улицам... Невероятное облегчение оттого, что помирились (спасибо Шмелю), всё-таки помирились, пусть и за полтора часа до расставания! Вспоминал прозрачные, как аквамарины,

зелёные в крапинку глаза, светлые непослушные завитки у виска. А главное – тогдашнюю, невесть откуда взявшуюся счастливую уверенность, что всё ещё будет. И запрокинутую в небо голову, и ослепительно белый дирижабль там, в бездонной синеве, и её руку в своей, предательски вспотевшей от волнения.

Дребезжал в ладони холодный поручень. В дальнюю даль уплывали разъезды и полустанки, стрелочницы в оранжевых жилетах и фонарные столбы, ржавые водоразборные колонки, полосатые шлагбаумы.

Медлительные коровы, пылящие по просёлкам грузовики. Мальчишки на великах. Стреноженные кони, обивающие хвостами бока. Серебристые тополя. Белые гуси. Ленивые мелкие речушки в кудрях ивняка. Аккуратные домики и полусгнившие сараи. Ухоженные клумбы и покосившиеся изгороди. Сиротские, чахлые берёзки на пересохших болотах. Выгоревшие чёрные торфяники. Тёмные ельники. Далёкие, освещённые солнцем зелёные холмы.

Герман так долго смотрел на это мелькание, что в какой-то момент ему стало казаться, что не поезд движется вместе с ним с запада на восток, а сама Вселенная бесконечным пёстрым потоком проходит сквозь него, Герку. Будто стал он полупрозрачным, пропускающим пространство. Проводник пространства... Ничего себе роль! Или просто приобретённое свойство?

Грохотали цистернами и хопперами встречные товарняки, сливались в одну бесконечную полосу решётчатые эстакады. Всё это текло сквозь него: фермы мостов и пузатые тяжёлые баржи, рыбаки с удочками, акведуки, краны, бульдозеры, фабричные трубы, многоэтажки. Старухи в платках с лотками пирожков, теснящиеся на перроне.

Пирожки?..

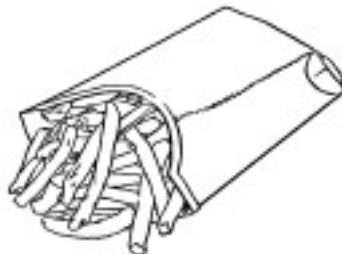
Железнодорожник в серой форменке молча вышел в тамбур, грохнул входной дверью, со скрежетом откинул подножку.

Да это же большая станция!

«Проводник пространства» обрадовался и как-то разом утратил прозрачность. А ещё Герка понял, что озяб и проголодался.

Подошёл к блестящему титану, налил в стакан с чайным пакетиком бьющий паром кипяток, глянул в вывешенное рядом расписание. Ехать оставалось меньше суток.

Глава седьмая Горячее шоссе

Барнаулский перрон был замусорен и оккупирован голубями. Блестели на утреннем солнце бляхи носильщиков, грохотали пустые тележки.

Уборщица, выйдя из дверей вокзала, выплеснула ведро прямо на асфальт: жара, высохнет за пять минут. Мутная пена, крутясь, потекла ручьями, запузырилась, колыхаясь и лопаясь. Острый запах дезраствора смешался с запахом пропитанных креозотом шпал, дымком нагретых титанов, чадом беляшей из вокзальной забегаловки.

Выскочивший из вагона первым Герка переступил через накатившую мыльную волну, подкинул рюкзак на спине, остановился в нерешительности. Мимо текли люди с тюками и сумками.

– Привет, уралец! – видный средних лет мужчина в ковбойке, летних светлых бриджах и спортивных сандалиях на босу ногу с улыбкой протянул Герке руку. – Мы ждали, ты нам из своих краёв дождичек привезёшь. Дождь нынче на Алтае очень нужен!

Крупные черты загорелого лица. Крепкая шея. Соломенные волнистые волосы, забранные сдвинутыми наверх солнцезащитными очками. Он был похож на льва с поредевшей светлой гривой.

– Ну, здравствуй, племянничек! Похож на папку, похож. Это весь твой багаж?

Кивнув, Герман стиснул протянутую ладонь, поздоровался. Сам он дядю Игоря узнал не сразу. На фотографии, которую показывала Герке мама, тот был моложе и заметно стройнее. Хотя, пожалуй, что-то львиное в нём и на том снимке ощущалось. Правда, грива светлых длинных волос была заметно гуще.

– Белогорье, Белогорье, по цене автобуса!.. – выкрикивали хриплыми голосами таксисты.

Мимо «газелей», в разинутые пасти которых поспешно грузились рюкзаки и чемоданы туристов, едущих в неведомое Герке Белогорье, дядя провёл его к парковке, где стоял выдавший виды отечественный внедорожник.

– Ты завтракал? Ехать долго, несколько часов, – предупредил дядя Игорь. – Или зайдём в кафе, перекусишь?

Герка, неопределённо мотнув головой, с застенчивой поспешностью полез в машину.

Дядя поглядел на него с сомнением.

– Ладно, усаживайся пока. Я – мигом. Картошку фри любишь? – нагнулся он к машине, чтобы увидеть Геркино лицо.

Герка кивнул.

– Николка тоже готов её с утра до вечера трескать. – дядя хлопнул дверцей и направился к ближайшим киоскам с фаст-фудом.

Держа в руке твёрдый бумажный фунтик с жареной картошкой, Герка аккуратно, двумя пальцами, выуживал длинные румяные ломтики. Жевал не спеша, глаза по сторонам на пыльные, шумные, с самого утра запруженные машинами улицы Барнаула. Город показался ему большим, деятельным, но бестолковым. Зелени мало, интересных, красивых домов по дороге почти не встретилось. А Герка если что и любил в больших городах, так это интересные дома.

Из центра выехали быстро. Припекало всё сильнее, тянулись неопрятные пустыри, автозаправки, шиномонтажки и дорожные забегаловки.

Хлам городских окраин остался позади. Открылись необъятные, расстилающиеся до самого горизонта поля, и это было уже что-то! Лишь бетонные коробки остановок загородного автобуса – как форпосты городской цивилизации – торчали местами из обочин.

Они были здесь на удивление яркими: ядрёной, просто «кислотной» раскраски. Издалека Герке показалось даже, что это граффити. Он аж подпрыгнул на сиденье, выронив на колени последний ломтик картошки. Можно сказать, стойку сделал: инстинкт райтера, пусть и бывшего. Сразу подумалось: вот где раздолье! Здесь, наверное, и полиция почти не следит. Пригнать сюда на велике и «забомбить» что-нибудь этакое!

Когда подъехали ближе, невольно фыркнул: настолько нелепыми были эти «росписи». Никакое это не граффити, конечно. Какие-то грубо намалёванные гигантские цветы, шарообразные, мультяшного вида пчёлы, такие же уродские, аляповатые бабочки. Полное разочарование.

Чуть позади каждого навеса высывались обязательные будки общественных уборных. В такой же дикарской раскраске. Общественные сортиры в стиле «вырви глаз». И так вдоль всей трассы...

– Что? Заметил? Вот такие у нас теперь остановки. Видишь, как отремонтировали? Денег на современный дизайн выделили. Областная программа по благоустройству – не шуточки...

Герка ёрзал в кресле. Так и распирало отпустить что-нибудь колкое. Это современный дизайн? С дуба они тут все рухнули, что ли? На одном из туалетов он увидел пляшущих медведей. Ладно, это ещё куда ни шло, они хотя бы ироничные. Медвежий хип-хоп в полный рост. А может, медвежья болезнь? Актуально, кстати, для сортира... Но пчёлки-то эти лупоглазые!.. Таких обычно в детских районных поликлиниках на стенках рисуют... Они ж вообще ни в какие ворота! Детская переклиника в чистом виде.

– Скоро и в нашем «дальнем углу» остановки в соответствующий вид приведут. Есть и у нас там свой дизайнер, один на весь район. Но уж я его попросил, чтоб без пчёлки! – сказал, смеясь, Игорь в ответ на ехидную улыбочку Герки.

Герка расхохотался. Они поняли друг друга. Игорь ему определённо нравился.

Дальше ехали молча. Трасса дымилась от жары. С жёстким шорохом улетал под бампер белый пунктир разметки. По обе стороны дорожной ленты простирались необъятные поля. Над ними высился, звеня, упругий, парашютом вздувающийся в космическую бесконечность купол – небо.

Свод, пространственная конструкция, выпуклая оболочка. Гудит, вибрирует, натянута туго. Стрела подъёма одиннадцать тысяч метров. Или больше. Примерно на этой высоте авиалайнеры летят. Вот это свод, вот это архитектоника, вот это масштаб!

Кондиционер у Игоря барахлил, а зной всё усиливался. Сгустившийся воздух дрожал, обтекая капот и стёкла, словно горячий душный кисель. Нельзя было открыть окно без опаски, что он вместе с мухами не вольётся в салон машины.

Игорь пошарил в бардачке, привычным жестом сунул в автомагнитоу флешку, не глядя, коснулся нужных кнопок. У него были чуткие пальцы музыканта. Герка вспомнил папин рассказ про вокально-инструментальный ансамбль и прочие свадьбы, но спрашивать об этом

пока не решился. Как, впрочем, не стал интересоваться, есть ли там, в деревне, какие-нибудь музыкальные инструменты.

Зазвучала музыка. Не гитара, как почему-то ожидал Герка, нет, виолончель. Это была мелодия из какого-то фильма (из какого, Герка не знал), невероятно, пронзительно прекрасная.

Виолончель тосковала, будоражила, звала. Её тягучие, напряжённые, пробирающие до дрожи звуки были похожи на тёмный густой мёд, льющийся из склянки. Им осторожно вторили низкие, мягко крадущиеся вслед шаги фортепианных аккордов. Тёплая, печальная и томительная, эта музыка словно вытягивала из самой глубины души тоску, и та преображалась, ширилась, становилась прекрасной поэзией...

А потом мелодия пошла вверх, всё выше, выше, мощнее. И вот уже легко колыхались где-то там, внизу, светлые фортепианные всплески, а Герка парил и парил в расширяющейся вселенной, нет, он сам был ею...

Глава восьмая

Скользкий поворот

– Дождь? Дождь! Ох, наконец-то!..

Вдруг. Такой здесь долгожданный.

На ветровом стекле зашевелились капли, похожие на пиксели, – расширяясь, лопаясь, появляясь вновь. Весь видимый мир разом превратился в мерцающий, ежесекундно обновляющийся экран. Поскрипывая, по мокрому стеклу заходили «дворники», стирая, размазывая пунктирную мешанину дождя ровным полукругом.

Дождь пролился и перестал. Обочины закурились паром. С ровным гудением ввинчивалась под забрызганный капот тугая стрела шоссе, чтобы через мгновение выскользнуть из-под багажника и навсегда уйти в прошлое. Со скоростью сто десять... или сто двадцать.

Ого! На спидометре уже все сто тридцать! Стрелка уверенно уходит вбок. Сто тридцать пять, сто сорок... И они уже обгоняют летящие над землёй облака!

– Скорость самолёта-кукурузника, – бросил Герке Игорь, не отрывая глаз от мчащейся навстречу трассы.

Да он гонщик! Раскрасневшийся Герка в волнении оторвался от спинки сиденья, подался вперёд.

– Гляди, радугой тебя Алтай встречает!

И правда. В полнеба! Будто портал.

Герка просиял:

– Догоним?

– Радугу? Ха!

Неясно, что означало это «ха!» – то ли «догоним!», то ли «муахахах, и не мечтай!», но скорость Игорь не сбавил. Они летели по трассе, обгоняя облака и ветер, а радуга всё время была там, впереди. Тугая семицветная арка на фоне сизого после дождя неба; звонкая, отчётливая, упирающаяся концами в землю...

Вскоре Герке стало ясно, что означало это «ха!». Нельзя её достигнуть, догнать даже на скорости кукурузника. И правильно. Нельзя пройти эту арку насквозь. Во всяком случае, оставшись прежним...

Ближе к населённым пунктам дорога запетляла, и, как ни жаль, пришлось сбавить скорость.

– А вот и Чарыш, – мотнул подбородком Игорь в сторону приближающегося моста с полосатыми столбиками. – в этом году обмелел изрядно. Ещё искупаешься, не волнуйся, – прибавил он, видя, как жадно сунулся Герка к боковому стеклу, поедая глазами широкую быструю воду и густые заросли забоки по берегам. – Совсем скоро на месте будем. Мать пирогов, наверное, напекла. Ждут они тебя – баба Стася, Николка... – Игорь поправил зеркало заднего вида и вдруг бросил в него на Герку странный, какой-то растерянный взгляд. Словно хотел о

чём-то попросить, но не решался. – Так о чём это я?.. – пробормотал он. – Ах да, Николка... Он ведь, получается, брат тебе. Четвероюродный, но ведь брат. Ты, Гера... – дядя опять словно споткнулся на ровном месте, кашлянул и с некоторым усилием продолжил: – Папа тебе говорил, быть может... Николай у нас совершеннолетний уже, но, понимаешь ли, он не совсем... как взрослый, хотя вот и бороду бреет. Не всё у него с головушкой ладно. Инвалид всё-таки. Ты постарайся с ним поладить. Он парень не вредный и по дому помощник хороший, но иногда его заносит. Учитывай, в общем...

Герка кивнул. Но *как* именно Николку заносит, он уточнить не решился.

Дядя Игорь, помрачнев, снова рывком прибавил газу. Открыл боковое стекло, прикурил молча.

Вот тут-то их и занесло. Лихо так занесло! Машина вдруг вильнула, словно поплыла. Игорь крикнул, втопил педаль газа, резко вертанул руль, ещё, ещё! Автомобиль пошёл юзом, потом выправился. Игорь шумно выдохнул, сбросил скорость.

– Испугался?

Герка сглотнул. Сердце колотилось – то ли в рёбра, то ли в ремень безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.